

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПОПРИЩЕ КАК СПОСОБ ЖИЗНИ

(Полная версия)

Вы начинали как поэт. Ваше первое произведение, стихотворение, было опубликовано в газете «Черниговский колхозник». Ваше стихотворение «Барабанщик» высоко оценил Ярослав Смеляков. Расскажите об этом.

Газету с моим стихотворением привёз мой отец, Трифон Аксентьевич Слипенчук. Он ехал на подводе с колхозниками на МТФ, молочно-товарную ферму, и по пути заскочил домой, чтобы отдать мне газету. Точнее сказать – газетёнку. Стихотворение называлось «О пастушке Петруше». Стихотворение было напечатано на вкладке – курсивом в правом углу. Я ничего не знал о публикации. Вручив газету, отец сообщил, что в ней напечатано моё стихотворение. И тут всё вокруг исчезло, перестало существовать. Я и сам мгновенно отлетел куда-то, словно неведомая птица. Осталась только газета и напечатанное в ней стихотворение. Не знаю, сколько длилось моё отсутствие, потому что времени тоже не было. Хорошо помню, что прочёл – *В. СЛИПЕНЧУК...* и всё стихотворение на несколько раз. Когда вернулся – отец смотрел на меня с каким-то несвойственным ему удивлением, словно вместо меня увидел кого-то другого. Я спросил – газету он возьмёт с собой или оставит дома? В ответ он сказал, что газету оставляет мне, и улыбнулся. Улыбнулся такой мягкой радостной улыбкой, словно только что узнал меня по голосу и окончательно утвердился, что я – это Я, его сын. Так сказать, преодолел окончательные сомнения. Мы засмеялись. Я почувствовал, что обрадовал отца, что предметом его радости являюсь Я и моё стихотворение. Это незабываемо.

О высокой оценке Ярослава Васильевича Смелякова невозможно рассказать без подробностей.

Стихотворение «Барабанщик» написал в армии. Перед армией

был приглашён в Барнаул на краевой семинар молодых литераторов – в секцию поэзии. Руководил секцией московский поэт Марк Андреевич Соболев. Ему мои произведения понравились, и он предложил подобрать стихи для первой книжки. Я сказал, что ухожу в армию, уже повестка на руках, да и хороших стихов мало. Он возразил: первая книжка – какая получится. Первая важна лишь как демонстрация, что ты пишешь стихи. С книжкой тебя хотя бы не посадят за тунеядство. А уж вторая – должна быть по-настоящему сильной. Я отказался. Сказал, что рукопись подготовлю, когда вернусь из армии.

Когда вернулся, многое изменилось. 1966 год. В родном литобъединении узнал, что в марте в АПИ, Алтайском политехническом институте, намечается «Третий День поэзии». Был уверен, что на выступлении поэтов встречу с Марком Андреевичем.

От Рубцовска (место проживания) до Барнаула – пять часов поездом. Приехал и очень огорчился, что меня нет в списке выступающих. Всегда считал и сейчас считаю себя поэтом. От Алтая выступали поэты Марк Юдалевич, Леонид Мерзликин и Геннадий Панов. Именно эта *тройка* решила, что на подобных мероприятиях мне выступать рано. Впрочем, выяснять, что да как, да почему, времени не было. Мы с Валерой Чаптыновым, тоже поэтом, старшекурсником Алтайского сельхозинститута, отправились в политехнический – до начала оставалось менее часа. Народу было – не протолкнуться. На улицу вынесли радиолокола. Актальный зал и все пространства вокруг были заполнены студентами. Мы с Валерой с трудом высмотрели два свободных места в последнем ряду у входа в актальный зал. Передавая Валере свой громоздкий баул, предупредил:

– Когда поэты будут проходить мимо нас, присоединюсь к ним.

– Пойдёшь на сцену?! – с некоторым удивлением, но больше с восторгом спросил Валера.

– Да, пойду. Что, я напрасно пять часов трясся в тамбуре поезда?! Я такой же поэт, как все, и к тому же эта студенческая аудитория моя, понимаешь, моя!..

На праздник поэзии ожидалось гости из Москвы, Ленинграда, Калининграда, Новосибирска, Красноярска, Иркутска. Особенно радовали гости из Москвы – Марк Соболев и Сергей Марков. Прежде всего, конечно, Марк Соболев.

Выступающие задерживались. И вдруг по сменившемуся гулу стало понятно – поэты на подходе. Они вошли в актовый зал под радостные аплодисменты и стук скамеек – студенты хлынули к проходу. Поэты вынуждены были идти гуськом, то есть друг за другом. Всё внимание организаторов праздника (секретарей комсомола АПИ), естественно, сосредоточилось на шествующих первыми. На идущих сзади никто не обращал внимания. Я сделал шаг и оказался замыкающим в строю. Мне представлялось, что на сцене будет возможность как-то объяснить своё нелегальное появление. Но стулья на сцене были уже расставлены, и получилось, что первые из поднявшихся на сцену оказались в последних рядах, а последние (в том числе и я) – в первых. Хорошо помню, что мне досталось место в первом ряду, причём самое видное, центральное. Впереди были только две стойки с микрофонами.

На сцене включили дополнительное освещение, а в актовом зале – пригасили. Я сел, и сразу же диктор, находящийся где-то за кулисами, пригласил к микрофону поэта из нашего ряда, кажется, из Иркутска. После него выступал мой сосед справа – поэт Зорий Яхнин из Красноярска. О чём были его стихи, не помню. Потому что за ним по порядку (слева направо) предстояло читать мне, и я, так сказать, пребывал в напряжённом ожидании. Но диктор объявил не

меня, а моего соседа слева. Меня пропустили, как пустое место.

Не буду подробно останавливаться на своих чувствах. Никогда прежде не испытывал столь глубокого одиночества. На меня смотрели из зала, как на самозванца. Я словно бы заживо окаменел.

Когда объявили пятнадцатиминутный перерыв (антракт), я не шелохнулся. Всё происходящее было как бы не со мной и не касалось меня. Ощущал себя вне времени и пространства.

Во время антракта в кругу поэтов произошёл спор, и, как теперь понимаю, не без вмешательства московских поэтов. С чувством высокого почтения кланяюсь в их сторону.

Вторую, заключительную часть выступления поэтов начали с меня. Когда объявили, рядом сидевший Зорий Яхнин сказал: «Прочти что-нибудь коротенькое». В его голосе чувствовалось не только пренебрежение ко всему, что могу прочесть, а ещё и некая доука, исходящая от меня, как неизвестного субъекта, нахально влезшего в их избранный круг.

У микрофона объявил, что прочту патриотическое стихотворение – «Комсомолу». За спиной слышались обидные остроты. После прочтения вначале была тишина – всеобщая, полная. Я повернулся спиной к слушателям, чтобы сесть на своё место, и тут зал взорвался. Это были аплодисменты какого-то неудержимого ликования. В актовом зале включили свет на полную мощность. Студенты повскакивали с мест, стали требовать читать ещё. В самом последнем ряду я увидел Валеру Чаптынова, он потрясал моим баулом. Я не заставил себя ждать. Но мой микрофон перехватил неожиданно выбежавший из глубины сцены Илья Фояков, собкор «Литературной газеты» по Новосибирску. Волнуясь и ероша свою интеллигентную бороду, стал кричать в зал:

– Что вы делаете?! Чему вы радуетесь и аплодируете?! Сейчас

Слипенчук оскорбил вас, а вы аплодируете – спасибо за то, что ты так замечательно, так красиво нас оскорбил?!

В ответ зал негодуяще взревел. Диктор попросил всех успокоиться и вновь объявил меня. Следующее стихотворение – «Баба-Яга». И опять – буря ликования.

Теперь к возгласам из зала стали примешиваться возмущённые голоса из вестибюля: «У нас в столовой хлеб чёрствый, а в общежитии многие кровати без пружин! Почему в Барнауле нет Дворца спорта?! Все бассейны ютятся по подвалам хрущёвок!» И ещё всякое в адрес начальства. В этом кипящем вареве всё бурлило, меня не отпускали от микрофона, и я сказал (был такой грех) – сегодня не мой День поэзии. И этим только добавил огня клокочущему залу.

Когда диктор объявил об окончании праздника, ко мне подошёл Илья Фоняков: «Надеюсь, ты не ждёшь от меня извинений?» Я промолчал потому, что не понял – о чём он?! Оказывается, Марк Андреевич Соболев потребовал, чтобы Илья Фоняков извинился передо мной за свою беспардонную выходку. Получилось, что Фоняков таким способом извинился. Впрочем, ни тогда, ни позже это не имело для меня никакого значения. Разве можно извиниться за крик души?!

Стихотворения, которые читал в Алтайском политехническом, можно прочесть в моей книге стихов «Свет времени» (издание четвёртое, исправленное и дополненное, 2019, с. 17, 19).

Утром следующего дня я уже был в колхозе «Память Ленина» (самый отдалённый и самый отстающий колхоз Рубцовского района, по свидетельству старожилов – якобы прежде именовавшийся «Шесть лет без Ленина»). В общем, моя жизнь учёного-зоотехника (я работал инспектором-организатором райсельхозуправления) вошла в обычную колею. А в Барнауле моё выступление произвело

настолько сильное впечатление, что комсомольцы стали искать меня. Искать по вытрезвителям, больницам и милицейским участкам. Кто-то пустил слух, что меня арестовали. Целую неделю политехнический лихорадило. Доходило до того, что целыми группами студенты отправлялись на поиски и пропускали занятия.

Все эти события в Барнауле как-то очень быстро обернулись для меня возвращением моей рукописи стихов из Алтайского книжного издательства. Стихи оценивались недостаточно совершенными, недостаточно советскими, а некоторые даже враждебными. (В скобках замечу – моя первая книга стихов вышла в свет только в 2006 году.)

Где-то в двадцатых числах мая неожиданно пришла телеграмма, что Алтайский крайком ВЛКСМ направляет меня в Кемерово на семинар молодых литераторов Западной Сибири и Урала (31.05 – 07.06.1966). От Алтайского края кроме меня были командированы поэты Николай Черкасов и Геннадий Панов. В поезде узнал, что они едут на семинар, который будет возглавлять классик русской литературы поэт Василий Дмитриевич Фёдоров, что ещё в апреле на его имя были отправлены рукописи их стихов. Получалось, крайком комсомола, хотя и оплатил мою командировку в Кемерово, конкретно не определил меня ни к кому из руководителей семинара.

По прибытии выяснилось, что меня нет ни в каких списках. Мы жили в какой-то гостинице. Участие моих сотоварищей было строго регламентировано. Когда личное знакомство с руководителями секции. Когда обсуждение их творчества. Когда выезжают на выступления на те или иные заводы и институты. Получалось, что меня никто не ждал и я приехал на свой страх и риск. Это стало неприятным сюрпризом, потому что неприглашённые (я это помнил по барнаульскому семинару молодых

литераторов) сразу, автоматически, попадали в разряд непризнанных. А я ехал в Кемерово за признанием.

Поэты в отличие от прозаиков всегда очень быстро сближаются. И этому есть объяснение – проза для своего восприятия требует определённых условий, а стихи можно читать на память, воспринимать на ходу. Поэтому неудивительно, что так называемые непризнанные литераторы сбивались в группы, точнее сказать – в своеобразные ватаги (артели). Так легче было проникать на секции, на которых обсуждались стихи. Я примкнул к одной из ватаг, решивших побывать на семинаре под руководством Ярослава Васильевича Смелякова, Марка Андреевича Соболя и Ильи Олеговича Фонякова.

В тот день обсуждали стихи новосибирского поэта Виктора Крещика. (Марка Соболя почему-то не было.) Крещика представлял собкор «Литературки» по Новосибирску Илья Фоняков. Учитывая его положение руководителя, нетрудно было догадаться, что стихи Крещика (маленькая книжечка, выпущенная в кассете, «Старт» – Новосибирск, 1965) получат одобрение. Так и случилось. Обсуждение шло ровно, как по накатанной дороге. Преобладала гладкопись во всём, но, главное, стихи Виктора Александровича Крещика полностью соответствовали наступающему духу времени – закату оттепели.

В одном из стихотворений Виктор сравнил чабана с башней в степи. Мне сравнение показалось надуманным. Тем не менее в заключительном слове Ярослав Васильевич отметил это сравнение как понравившееся ему. И ещё он сказал, что от имени руководителей семинара Виктора Крещика будут рекомендовать в СП СССР. В то время более высокой оценки творчеству молодого автора не существовало.

Виктор Крещик был одет в тёмный костюм, держался

подчёркнуто скромно, представить его в жёлтой кофте Маяковского или в цилиндре с трубкой Есенина было просто невозможно.

Ватага непризнанных поэтов была не только большой, но и разношёрстной. Именно в ватаге непризнанных, обмениваясь произведениями, впервые услышал и на всю жизнь запомнил: «В лаптях, в армяках в заплатах – / Пошли мужики сутулясь. / Пошли мужики за Правдой. / И до сих пор не вернулись». Некоторые из непризнанных как будто нарочно никогда не читали ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова. Складывалось впечатление, что отныне русскую поэзию надо начинать с них.

Когда закончили обсуждение творчества Виктора Крещика, Ярослав Васильевич Смеляков, находясь в хорошем настроении, спросил аудиторию:

– Кто желает прочесть свои стихи?

Я предполагал, что будет лес рук, увы, оказался единственным.

– Давай рукопись, – сказал Ярослав Васильевич.

Ответил, что рукописи нет, могу прочесть на память. Он кивнул, и я стал читать. «Я в маленьком и сером кабинете...»

Ярослав Васильевич слушал стоя, опершись о косяк. Казалось, он приготовился уйти, не дослушав. Не скрывая неудовольствия, спросил:

– Кто-нибудь понял стихотворение?

Неожиданно отозвался Илья Фоняков:

– Я понял, – твёрдо сказал он.

Они коротко переглянулись – лёд и пламень. Ярослав Васильевич вновь кивнул мне. Следующим прочёл стихотворение «Царь».

После прочтения Ярослав Васильевич почти наполовину приоткрыл дверь (ему стало душно) и грозно взглянул на Илью

Олеговича:

– Может быть, и это стихотворение поэт Фоняков понял и нам объяснит?

Илья Олегович сидел у окна, вцепившись в свою бороду. Опустив глаза, как бы потупившись, сказал:

– Нет, это стихотворение я тоже не понял.

Ярослав Васильевич удовлетворённо усмехнулся и строго спросил меня:

– У тебя есть что-нибудь повеселее?

– «Барабанщик», – сказал я и стал читать.

После прочтения Ярослав Васильевич, ничего не говоря, вышел из аудитории. Илья Фоняков, как соруководитель секции, объявил, что на сегодня обсуждение закончено. И, захватив папки с рукописями, вместе с Виктором Крешиком и другими признанными «семинаристами» поспешил к выходу.

Ватага непризнанных ринулась ко мне. Видя в произошедшем вопиющую несправедливость, они пожимали мне руку и всяческими словами восхищения давали отрицательную оценку всем признанным, и в том числе руководителям семинара. Скажу откровенно, их восхищение не находило в моей душе отклика. Я чувствовал, что даже лёгкое одобрительное слово со стороны Смелякова, случись оно, значило бы для меня больше, чем все их славословия.

– Да кто он такой – Смеляков?! Он уже одной ногой в гробу! Всё они понимают – ты идёшь с новым словом, и они завидуют! Ты – гений! А они – букашки! Не дано им, понимаешь?! Лучше не печататься, чем ставить на службу им честное перо поэта.

Мы шли по длинному коридору, и я не могу сказать, что полностью не разделял их воззрений. Но – гений! Это было слишком. Я категорически не хотел быть непризнанным, тем более

гением. Кто-то из окружения громко заметил – нам не туда, мы идём к буфету, а лестница в другой стороне. Ватага резко сменила курс, а я решил зайти в буфет, открытая дверь которого была в двух шагах.

Меня окликнули, но я не среагировал, потому что едва не столкнулся с Ярославом Васильевичем, он выходил из буфета.

– А, Слипенчук! – сказал он с неожиданной мягкостью и улыбнулся мне как своему собрату. – Давай своего «Барабанщика».

Не знаю, слышал ли Ярослав Васильевич уничижительные возгласы бунтующей ватаги?! Наверное, нет, но я смутился, чувствовал себя провинившимся. Он вспомнил, что у меня нет отпечатанных стихов.

Мы отошли от двери к коридорному окну с небольшим подоконником. Ярослав Васильевич был в несколько длинноватом коричневом костюме. Запустил руку в левый внутренний карман, вынул несколько листов бумаги, сложенных вдвое.

– Любая профессия требует профессионализма, – сказал он, облизывая губы. – В отличие от тебя, счёл необходимым отпечатать свои стихи на машинке, чтобы зайти в редакции местных газет и предложить для публикации.

Он дал чистый лист бумаги, чтобы написал «Барабанщика», а сам опять пошёл в буфет. Хлопнула дверь. Я оглянулся и с удивлением увидел плотно сбитого парня из нашей ватаги, который быстрым шагом удалялся в глубину коридора. Откуда он взялся?! И зачем прятался за дверью?!

Взяв стихотворение, Ярослав Васильевич сказал:

– Пиши стихи подобные «Барабанщику», с другими – не пробьёшься.

После возвращения домой, в Рубцовск, я и думать не думал, что моё стихотворение «Барабанщик» будет опубликовано в газете «Литературная Россия» по свежим следам состоявшегося съезда

молодых литераторов Западной Сибири и Урала. Тем более с напутственным словом самого Смелякова.

Первым меня поздравил с публикацией член нашего литобъединения при газете «Коммунистический призыв» Лёва Стрижкин. Он примчался под вечер на новеньком мотоцикле и, размахивая газетой, радостно прокричал: «У Михаила Светлова – «Гренада» и Маяковский, а у тебя – «Барабанщик» и Смеляков!»

Стихотворения, которые читал на семинаре Ярослава Васильевича, сегодня можно прочесть в книге стихов «Свет времени» (издание четвёртое, исправленное и дополненное, 2019, с. 35, 22, 90).

Какой путь проделал молодой зоотехник, автор книги «Бараны-производители Алтайского края» до художественной прозы?

Книга «Бараны производители Алтайского края» – это каталог лучших животных Алтайской тонкорунной породы овец, который являлся осязательным подспорьем в работе зоотехников-селекционеров. Как и положено в таких книгах, в ней напроць, то есть полностью, отсутствует словотворчество. Главным описанием животных является их родословная и чистопородность, отображённые квадратиками или другими значками. При всей технической обширности труда (сведение в единый каталог всех элитных животных края, принадлежащих государственным племзаводам и племстанциям...) я не испытывал радости от издания данной книги. С детства мечтая стать писателем, я либо читал стихи, либо писал их. То есть художественное слово всегда являлось существенной частью моей жизни. И вдруг книга, в которой слово практически отсутствует вообще.

Впрочем, не вдруг. Окончив Омский сельхозинститут, а потом и

полугодичные курсы бонитёров в Аскании-Нова, я, как старший зоотехник Краевой госплемстанции, просто обязан был издать данную книгу. Но мечтать о ней, как о книге своих стихотворений или рассказов, конечно, не мог.

В общем, на выступлениях с барнаульскими поэтами я всегда умалчивал о ней. И всё же благодаря именно книге об элитных баранах-производителях Алтайского края мне довелось стать участником совещания учёных-генетиков, проходившего в Институте цитологии и генетики в новосибирском Академгородке. В пятом томе собрания сочинений есть документальный рассказ «Термин Никоро», в котором повествуется о встрече поэта Губкина с Зоей Софроньевной Никоро, выдающимся учёным, сподвижницей великой школы генетиков-эволюционистов Дубинина, Четверикова, Кольцова...

Рассказ заканчивается разговором с директором Института цитологии и генетики Дмитрием Константиновичем Беляевым, который приглашает поэта Губкина, то есть вашего интервьюируемого, назавтра зайти к нему в институт и более обстоятельно побеседовать о поступлении в аспирантуру. По содержанию – «назавтра» не имело существенного значения для повествования, и вполне логично рассказ обрывается фразой: «Но Губкин ушёл в моря». А вот для ответа на ваш вопрос «Какой путь проделал молодой зоотехник... до художественной прозы?» подробности этого самого назавтра представляются мне весьма существенными. Потому что на следующий день я побывал у Дмитрия Константиновича Беляева.

Сегодня академик Беляев всемирно известен своим экспериментом по выведению одомашненных лисиц. Эксперимент длился несколько десятилетий и, по свидетельству американских генетиков-эволюционистов, является самым продолжительным в мире. В 2017

году в честь столетия академика на территории Института цитологии и генетики установлен удивительно симпатичный памятник Дмитрию Константиновичу Беляеву и приручённой лисице. Они сидят на лавочке, он протягивает лисице свою раскрытую ладонь, а она в ответ тянется к его ладони лапкой. Невольно вспоминаются есенинские строки: «...И зверьё, как братьев наших меньших, /
Никогда не бил по голове».

Моя книга «Бараны-производители Алтайского края» лежала у директора на столе, и он при мне листал её с таким интересом, будто это была книга моих первых и весьма обнадёживающих литературных творений. Его действительно впечатлили элитные животные, представленные в каталоге, в особенности наследственность, исходящая от скрещивания наших сибирских и австралийских меринсов.

Отложив книгу, он неожиданно сообщил, что получил письмо от соискательницы, окончившей с отличием Ленинградский кораблестроительный институт, которая желает стать аспиранткой по теме «Генетика поведения животных». Сообщение поразило меня. Кораблестроительный – с отличием?! Там математика и всё такое прочее – и я, учёный-зоотехник по овцеводству. Что-то в моём воображении заколебалось и утвердилось не в мою пользу.

Тем не менее Дмитрий Константинович сказал, что моя книга является более весомой заявкой для поступления в аспирантуру. Правда, с моей стороны ещё нужно представить реферат, примерно около десяти машинописных страниц. Внутренне сопоставив свои возможности и неведомой соискательницы с красным дипломом, я признался, что реферата на заданную тему не напишу:

– Не смогу. И, наверное, поздно в двадцать шесть лет идти в аспирантуру, вдруг через три года не защищусь, только подведу всех.

Наверное, растерянный вид и искреннее признание возымели своё действие. Он весело усмехнулся.

– У меня не защититесь?! Такое просто невозможно! В моей лаборатории первый в стране электронный микроскоп, – сказал он с нескрываемой гордостью и взглянул поверх меня с такой энергетической силой, что я почти физически почувствовал необъятность горизонтов, раздвинутых передо мной.

Дмитрий Константинович решительно встал из-за стола – пойдёмте! Мы шли по длинному коридору, по обе стороны которого располагались кабинеты научных сотрудников. Очень хорошо помню, что в один из дальних кабинетов по правой стороне он постучал. Когда мы вошли, сидевшая к нам спиной молодая женщина встала из-за письменного стола. Небольшого роста, мягких форм, она некоторое время пребывала как бы в отсутствии. Возвращая её к действительности, Дмитрий Константинович извинился за наше вторжение, а я глазел по сторонам, точнее, по углам, в которых стояли многоярусные стеклянные шкафчики. Меня совершенно не интересовала хозяйка кабинета, я надеялся увидеть чудо научной мысли – электронный микроскоп.

Между тем, очевидно, не желая понапрасну тратить время, Беляев сказал:

– Людмила Николаевна, пожалуйста, дайте этому молодому человеку лишний экземпляр вашей диссертации. – В его голосе прозвучали прежде неизвестные мне по-военному чёткие указующие нотки. И вроде не приказ, но кобура расстёгнута.

Людмила Николаевна на удивление мгновенно извлекла из письменного стола тоненькую книжицу и, взглянув на меня словно на ротозея, негаданно почему забредшего к ней, с явным неудовольствием подала мне. Я не успел прочесть название диссертации. Меня поразила надпись как раз на том месте, где

печатается фамилия автора, – Трут. Я был ошеломлён, причём настолько, что не заметил перед фамилией инициалов Л.Н. (Людмила Николаевна). В моём мозгу крутилось, что эта книжица – труд, и, видимо, весомый труд, раз обозначен на титуле обложки.

Долго рассматривать книжицу не было никакой возможности, и я спрятал её во внутренний карман пиджака.

Сегодня, как и прежде, Людмила Николаевна Трут – соавтор эксперимента (Д.К. Беляева) по одомашниванию лисиц. Она доктор биологических наук, профессор, с 1990 года занимает должность главного научного сотрудника эволюционной генетики Института цитологии СО РАН в Новосибирске. Благодаря ей уникальный эксперимент по выведению одомашненных лис длился более шестидесяти лет.

А тогда (в 1971-м), выйдя из кабинета Людмилы Николаевны Трут, директор института Д.К. Беляев снова был добр и, весело улыбаясь, опять напомнил о реферате объёмом около десяти машинописных страниц. Напомнил, как догадываюсь, с единственной целью – поднять настроение, мол, вопрос моего поступления к нему в аспиранты практически решён.

По приезде домой моё сообщение о намерении идти в генетики большинством родственников было воспринято однозначно положительно. Отмалчивалась только Галочка (моя жена). Впрочем, реферата я не написал. Более того, так и не удосужился прочесть кандидатскую работу Людмилы Николаевны Трут, за что искренне прошу у неё прощения. К сожалению, а может быть, к счастью, есть вещи выше нас. К тому же надо иметь в виду, что в то время я жил жизнью поэта и на дню у меня бывало не только семь пятниц, но и семь суббот и семь воскресений. Проявленное ко мне доброе внимание Дмитрия Константиновича Беляева обязывало меня помнить о приглашении в аспирантуру. И я помнил. И, чувствуя

свою виновность, много раз порывался взяться за реферат, и всякий раз мои порывы заканчивались стихами или поэтическими зарисовками в прозе, которые всё больше и больше мне стали нравиться. Теперь-то понимаю – почему. Пойти в генетики обещал поэт Губкин, а прозаик Губкин ничего такого не обещал. С каждой зарисовкой в прозе моё чувство виновности всё больше и больше истаивало, пришло новое обретение свободы, теперь ничто не мешало мне вновь стать писателем.

Стихотворение «Аспирант» – из того, скажем так, «рефератного эпизода моей жизни» – можно прочесть в сборнике «Свет времени» (издание четвёртое, исправленное и дополненное, 2019, с. 64).

Вы начали писать прозу, а потом стали посещать Высшие литературные курсы (ВЛК). Зачем? Литературному мастерству надо учиться? Ведь Оскар Уайльд как-то сказал: «Ничему из того, что действительно стоит знать, нельзя научить».

– Да, действительно, нельзя научить стать ни Толстым, ни Достоевским, ни Чайковским. Тем не менее в провинции, где в советское время основу обычных литобъединений составляли при той или иной районной газете в основном согбенные рабселькоры-пенсионеры от станка и от сохи, приходилось слышать от них, и довольно часто, как бы некую угрозу: «Да будь у меня, как у графа Толстого, тысяча двести душ крепостных, тогда бы посмотрели, кто кого!»

Конечно, в таких угрозах преобладала своеобразная мечта литератора писать стихи, рассказы, повести и романы, не думая о хлебе насущном, о котором, надо отдать должное советской власти, она по-своему беспокоилась в отношении членов Союза писателей СССР и других деятелей творческих союзов. Не знаю, как сегодня

обстоит дело на ВЛК, существуют они или нет. А в 80-х годах прошлого столетия лично я мечтал попасть на Высшие литературные курсы. Слушатель ВЛК обеспечивался практически на два года бесплатным жильём в Москве (одноместная просторная комната в общежитии Литинститута), стипендией в 150 рублей (по сути, оклад старшего специалиста по тем временам в любой области народного хозяйства). Учебные занятия тоже не отягощали. В первой половине дня – лекции или обсуждение творчества сокурсника, а всё остальное время твоё – садись, пиши свои «нетленки» (произведения). Или иди на премьеру в театр или на выставку какого-нибудь живописца в Пушкинском музее или в Третьяковке.

Надо иметь в виду, что основной контингент слушателей ВЛК составляли выходцы из союзных республик: из Украины, Грузии, Казахстана, Узбекистана и так далее. Например, в 1983–1985 годах с нами учились два товарища из Монголии. Зачастую прямое общение с сокурсниками как представителями интеллигенции из союзных республик давало уму-разуму больше, чем любые лекции о положении дел на местах.

Как видим, при таком раскладе вопрос «зачем?» теряет смысл. Да и утверждение Оскара Уайльда, что «ничему из того, что действительно стоит знать, нельзя научить», представляется в литературных кругах настолько расхожим, что ходить за ним в Англию – дело абсолютно необоснованно затратное.

Тем не менее в наше время, когда Запад основательно занят продвижением прав меньшинств ЛГБТ, а у нас в Думе готовится закон, наказующий за пропаганду ЛГБТ, ссылка на Оскара Уайльда как талантливого писателя, к тому же гея, представляется достаточно злободневной. В силу своего почтенного возраста и веры в Бога я мог бы обойти этот вопрос. Но во времена моей молодости (в советское время) он тоже бывал на слуху. Однополое влечение

есть, оно существует, отвергать его бесполезно. Другое дело, чем оно объясняется, с каких позиций подходить к нему. Давно известно, что если хочешь привлечь внимание к какому-нибудь предмету – запрети его.

Помнится, одним из доказательств необоснованной строгости законов того (советского) времени служило утверждение, что гомосексуализм – это болезнь. Сейчас на этот счёт в Интернете много всевозможных статей, мол, никакая это не болезнь, а генетическое отклонение. Есть даже утверждение, что мы имеем дело с обыкновенным жульничеством, пиаром, которым пользуются блогеры и скандальные журналисты для привлечения внимания к своим сайтам.

Словом, никакой ясности на этот счёт не было и сейчас нет. Единственное утешение – по утверждению социологов, люди нетрадиционной ориентации (ЛГБТ) как составляли, так и составляют 0,2–0,3 процента от общего населения страны, мира. То есть сама природа позаботилась, чтобы количественно их можно было не замечать. Но замечать приходится.

В 1960 году я учился в Уссурийске на втором курсе ПСХИ – Приморского сельскохозяйственного института. Таких, как я, то есть поступивших сразу после окончания школы, было очень мало (пять процентов). Остальной процент поступивших приходился на парней, пришедших в институт после армии.

Стоял тёплый октябрь. Мы, пацаны из нашей группы («пятипроцентники»), придерживались в дружбе своего возрастного ценза, заигрались в городки и возвращались в общежитие потемну. Решили зайти в круглосуточную столовую депо, выпить чая. Тогда была мода – дежурные столовые в вечерние часы превращали в рестораны и среди обслуживающего персонала появлялись официантки.

Зашли в столовую – и сразу к раздатке, взяли чай. Где присесть? Официантка подозвала нас к столику на четверых, за которым сидел небольшого роста, очень кряжистый молодой человек. В светлых шортах, в тёмного цвета рубашке и резиновых крест-накрест подтяжках он напоминал увеличенного в размерах мальчика. «Мальчик» был радушен, сообщил, что из геологической партии. Сыпал цитатами, острил. Запомнилась сентенция: «Не делай другим то, что ты хотел бы, чтобы они делали для тебя. У вас могут быть разные вкусы». Заговорил об Оскаре Уайльде, о его потрясающем романе «Портрет Дориана Грея». Так что я подумал, что автор сентенции Оскар Уайльд. Нет, автор – Бернارد Шоу.

Теперь уже не скажу, каким образом разговор перекинулся на деньги. Наш визави вытащил новенькую трёшку (три рубля) и заявил, что готов отдать её любому из нас, кто хотя бы чуть-чуть прожжёт её насквозь, приложив к своей руке. Молодой человек вытащил сигареты и, раскурив, начал процесс. Мои товарищи довольно быстро сдались – больно! «Кряжистый мальчик» цвёл и пахнул. И как-то особенно был неприятен, вызывая лично у меня необъяснимое внутреннее отвращение. Я решил стоять насмерть. Хотя курение в столовой разрешалось, после очередной сигареты повеяло тяжёлым запахом табака и сжигаемой плоти. «Мальчик» трусливо заозирался, подбежала официантка – прекратила процесс. Так что ни о какой трёшке не могло быть и речи. Хочу заметить, что прожечь сигаретой денежную купюру практически невозможно. Волокнистая денежная бумага является фантастически теплопроводной. Впоследствии ожог на руке сделался белым, водянистым и долго-долго не заживал. Шрам получился обширным, выжженное пятно на коже даже сейчас заметно. А в те времена особо любопытствующим говорил, что на месте шрама прежде была татуировка, которую удалил.

Словом, Оскар Уайльд запомнился. Запомнился и его роман «Портрет Дориана Грея». Читая который нет-нет и вспоминался трусливо озирающийся «кряжистый мальчик» в светлых шортах и крест-накрест резиновых подтяжках, встреча с которым не принесла ничего, кроме внутреннего отвращения.

Граф Лев Николаевич Толстой увидел в Оскаре Уайльде пророка ложного, пророка, отрицающего нравственность и восхваляющего разврат. К этому суждению классика мировой литературы как бы и нечего добавить. И всё же в биографии Оскара Уайльда меня поразило его признание, которое он сделал, уже находясь при смерти, что всё его декадентство и эстетство, которые он считал признаками своей избранности, в действительной жизни оказались не более чем признаками порока. Думаю, такое признание стоит того, чтобы не отдавать его творчество на откуп сегодняшним пропагандистам от «кряжистых мальчиков».

В издательстве «Художественная литература» выходит собрание сочинений в восьми томах. Как формировался корпус произведений?

– Игорь Михайлович, вы настолько красиво и фундаментально сформулировали вопрос, что я как солдат, механик-водитель средних танков (в прошлом, конечно), почувствовал, что мне сейчас надлежит выкатить нечто достойное, бронетанковое. Тем более что служил в сверхсекретном батальоне, и не только обучался вождению на всех имевшихся на тот период танках, но и испытывал средний – индекс 437. Во всяком случае, по возвращении домой на вопрос «механик-водитель каких именно средних танков?» рекомендовалось отвечать – индекса 437. К сожалению, в моих прозаических произведениях служба в армии почти отсутствует. И вовсе не

потому, что обходил военную тему, – нет. Когда служил в армии, вообще не писал прозы – только стихи. Думаю, об армии у меня есть весьма хорошие поэтические строки, разумеется, на мой взгляд.

Но вернусь к вопросу. Большинство писателей в моём возрасте мечтают издать собрание своих сочинений. И это нормально – подведение итогов. Буду откровенен – я не мечтал и даже испугался представившейся возможности. Был уверен, что не моё это дело. Придёт время, потомки (внуки), говорящие на русском, английском, французском, китайском языках, и без меня издадут что-то стоящее. Главное – надо хорошо и много писать, чтобы побольше было этого стоящего.

Я с детства мечтал стать писателем. Писательское поприще мне всегда нравилось и нравится, а жизнь настолько способствовала развитию в этом направлении, что дело оставалось за малым – сесть и писать. И тут, погрузившись в работу, осознал, что частые выступления перед читательской аудиторией (по молодости хорошо читал стихи, и не только свои) мне вредят. Тем более всякие писательские тусовки хотя и приносят известность как автору, но по большому счёту крадут время, мешают писать. И я стал избегать известности в любых её формах. И время появилось, появилось для повседневной продуктивной работы. Так что когда представилась возможность издать своё собрание сочинений – я испугался. Знал, что с прежней повседневной размеренной жизнью придётся распрощаться, а я привык к писательству как способу жизни.

Хорошо помню свой первый разговор с Дарьей Георгиевной Пряхиной, корректором собрания сочинений. Было позднее утро, шёл по территории МГУ – гулял. Вдруг телефонный звонок. Познакомились. Дарья Георгиевна потребовала, чтобы представил ей этот самый корпус произведений. Говорила строго, сообщила, что есть авторы, которые могут поднять спор из-за запятой. Она очень

хорошо понимает таких авторов, но им не завидует. В общем, нагнала страху такого, что я сказал: «Может, не будем ничего затевать?!» Она не поняла, переспросила... Моё пояснение, видимо, озадачило её. Помолчав, не сбавляя строгости, сказала, чтобы по каждому из восьми томов представил списки произведений, и разговор прервался.

Придя домой, задумался о списке. Собрание сочинений – для любого писателя дело серьёзное, важное, и я – не исключение. Решил составить список, придерживаясь хронологии, то есть последовательности создания произведений во времени. В 1-й том – что было написано в самом начале, во 2-й – что потом, и в такой последовательности до сегодняшнего дня. Особенно напрягала рубрика издательства – мастера русской прозы. Вообще-то я всегда считал и сейчас считаю себя поэтом. Мои первые произведения – стихи. Но рубрика есть рубрика. Пришлось перенести поэзию в 7-й том. В творчестве любого писателя всё взаимосвязано. Такого не бывает, что с четверга ты поэт, а с понедельника – прозаик или публицист. В формировании хронологии списка произошёл сбой, но Дарья Георгиевна Пряхина приняла этот сбой как само собой разумеющееся, и мы с нею издали шесть томов.

Теперь Дарьи Георгиевны нет, в цвете молодых лет ушла из жизни. Мы с нею всегда работали по телефону и ни разу не встретились. Говорю об этом не только потому, что обида и горечь переполняют сердце, а потому что сегодняшний день во всё вносит свои коррективы и ничего нельзя сформировать окончательно. Но почему-то никто не считается с этим.

Как формировался корпус произведений?! Воспользуюсь модным словечком – ЛЕГКО.

Назовите своих учителей в литературе, можно даже тех, у кого вы учились заочно.

– Где-то по весне уже доводилось отвечать на подобный вопрос. Подчёркивал, что учился художественной прозе у многих писателей, особенно у тех, кому удавалось поразить меня своей образностью или построением изложения. Упоминал имена писателей-классиков, у которых учился, и наших, и зарубежных.

Всё это можно прочесть в интервью газете «Аргументы недели» «Разговор с писателем о любви» – на моём сайте www.slipenchuk.ru.

Повторяться не буду. Лучше несколько конкретизирую ответ, касающийся построения изложения. И тут признаюсь, что подсмотрел его не у писателей, а у журналистов-газетчиков. Возможно, журналисты-газетчики подсмотрели его у писателей, я же говорю о своём опыте. И говорю потому, что простой режиссёрский ход в своё время придал мне творческих сил и веру, что смогу писать романы.

В советское время скандальные события политического толка газеты либо не печатали, либо сообщали о них очень мелким шрифтом (петитом). И где-нибудь в уголке газетной полосы, с намёком, мол, событие настолько ничтожное, что даже употребление нормального шрифта в информации о нём – непростительное расточительство. Зато с развалом СССР скандальные умозаключения сообщений стали выделять непременно жирным шрифтом и прямо в пространстве статьи. В те времена я редактировал писательскую газету «Вече» (Новгородской писательской организации), и этот факт меня заинтересовал. Послужил подсказкой. Например, тон моему роману «Зинзивер» задаёт эмоциональный кусочек текста, взятый из 48-й

главы. (Всего в романе 50 глав.) То есть грустная нота, завершающая роман, которую невозможно представить и тем более написать, не ощутив всей эмоциональной цельности романа, была вынесена мною в самое начало повествования, как бы в предисловие. И, судя по отзыву о романе Василя Быкова (народного писателя Белоруссии), мой эксперимент оказался удачным. То же самое, так сказать, режиссёрское построение использовал и в своём романе-путешествии «Золотой короб», о поездке в Израиль. В принципе в таком построении, наверное, нет ничего нового, если взять за основу, что многие видные романисты начинают своё повествование с описания природы как раз потому, что ставят целью через неё придать своему произведению нужной эмоциональной настрой. Но возможно, ими движет иная цель. Не знаю. Страх перед формой романа настолько довлел, что, по сути, свой первый роман «Огонь молчания» я отнёс к жанру повести.

Что сейчас происходит в литературе? Есть интересные имена, произведения?

– В своё время я был знаком со многими хорошими русскими писателями. И потому, что был составителем единственного в своём роде публицистического сборника «В начале было Слово» о Празднике славянской письменности и культуры, в котором выступило большинство ведущих русских советских писателей того времени. И потому, что по роду своей деятельности активно участвовал в общественной жизни Великого Новгорода: был руководителем литературного объединения «Родник», организовал и редактировал писательскую газету «Вече», вёл ежемесячный радиожурнал «Литературный Новгород»... И на всё у меня хватало времени. Так что, общаясь с Владимиром Фёдоровичем

Тендряковым, а впоследствии с Виктором Викторовичем Конецким и узнав, что, работая над своими произведениями, они в это время ничего не читают (кстати, факт проверенный), я не мог этому поверить. Считал – оригинальничают, уже не видят земли под ногами. А ныне и сам ничего не читаю, чтобы сберечь время для повседневного размеренного писательского труда.

По опыту скажу – уверен, есть и интересные имена, и произведения. По молодости очень любил этот вопрос. Особенно когда составлял коллективные сборники. Нравилось открывать новые имена. Они есть – надо только обратиться по адресу.

О чём ещё не написал писатель Виктор Слипечук?

– Очень тяжёлый вопрос, в самом прямом смысле для меня неподъёмный. Дело в том, что, с детства мечтая стать писателем, я хотел написать книгу о нашей семье. Это была главная задача. В середине 70-х годов прошлого века, прочитав роман Фёдора Александровича Абрамова «Пряслины», первое, что подумал (прошу прощения): напишу свой роман лучше – дайте только срок. Увы, даже не попытался.

**Интервью провёл
Игорь МИХАЙЛОВ**

30.08.2022, Москва